

ПЕСНИ
МИРЗЫ
ШАФИ

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

ПЕСНИ МИРЗЫ ШАФИ

1-613360

*Забытые и малоизвестные
русские переводы*

М. Ф. Ахундов адина
Азерб. Республика
КИТАПХАНАСЫ

БАКУ • ЯЗЫЧИ • 1988

Ш 6 (2 = Аз) 5 + Аз
С(Аз) I
П 28

Редактор *Агиль Гаджиев*

ОТ РЕДАКТОРА

История мировой литературы полна трагических судеб, несложившихся жизней, посмертных признаний. Но и в этом обширном горестном реестре особняком стоит жизненная трагедия выдающегося азербайджанского поэта XIX столетия Мирза-Шафи Вазеха (конец XVIII века — 1852), не увидевшего напечатанным на азербайджанском и персидском языках ни одного из своих многочисленных направленных против духовенства и знати, обличающих социальные противоречия и предрассудки произведений.

Не получив признания у современников, Мирза-Шафи Вазех до последних дней своих влачил жалкое существование на скромное жалование младшего преподавателя Тифлисского уездного училища.

И кто знает, сколько длилось бы это непризнание и безвестность Мирза-Шафи Вазеха как поэта, если бы в 1840-е годы в Тифлисе не состоялось бы его знакомство с немецким поэтом, переводчиком и ориенталистом Фридрихом Боденштедтом (1819—1892), давшее начало их совместным, продолжавшимся почти три года, занятиям восточными языками. На этих занятиях, а также во время частых душевных бесед Мирза-Шафи Вазех, иллюстрируя те или иные положения, приводил примеры не только из произведений корифеев восточной поэзии, но и из собственных стихотворений; Ф. Боденштедт же как прилежный ученик записывал все сказанное учителем. Разумеется, в этом общении двух поэтов не было ничего необычного — Ф. Боденштедт стремился, изучив восточные языки, глубже узнать Восток, а Мирза-Шафи Вазех считался признанным авторитетом в области этих языков, но события последующих лет заставляют по-настоящему взглянуть на сам факт их знакомства, увидеть в

П 28 **Песни** Мирзы Шафи. Пер. с азерб.
(Сост. Р. Мустафаев). — Б.: Язычы,
1988. — 96 с.

В книге представлены избранные стихотворения крупнейшего лирика азербайджанской литературы XIX века Мирзы Шафи Вазеха. Поэзия Мирзы Шафи своими корнями восходит к остроумной социальной и житейской притче. Переводы осуществлены П. Чайковским, А. Шеллер-Михайловым, В. Марковым, П. Якубовичем, С. Надсоном, Е. Додматовским.

П 4702060100—23
М—656—87 158—88

С(Аз) I

ISBN 5-560-00141-4

© Язычы, 1988

нем некое предначертание судьбы, столь немилостивой к Мирза-Шафи Вазеху.

В 1850 году, по возвращении в Германию, Ф. Боденштедт издал книгу с традиционно-ориентальным названием «Тысяча и один день на Востоке», включив в нее и собственные переводы стихотворений Мирза-Шафи Вазеха, которые спустя год были изданы им уже отдельной книгой под названием «Песни Мирза-Шафи». Эта книга, на протяжении четверти века переиздававшаяся на немецком языке по несколько раз в год общим тиражом около двух миллионов экземпляров, пользовалась огромной популярностью не только в Германии, но и в ряде других европейских стран.

Под впечатлением этого шумного и повсеместного триумфа «Песен Мирза-Шафи» Ф. Боденштедт уже после смерти азербайджанского поэта делает сенсационное заявление, объявив себя автором вазеховских стихов, якобы подписываемых им ранее собственным ориентальным псевдонимом «Мирза-Шафи». Здесь мы сталкиваемся с явлением, получившим в литературоведении название «плагиат Боденштедта» и в достаточной степени освещенным в нашем литературоведении¹. Нелишне, однако, заметить, что в пылу спора некоторые азербайджанские исследователи, выступая, на наш взгляд, с чересчур прямолинейных позиций, старались очернить и все деяния Ф. Боденштедта и само его имя, делая порой выводы, выходящие за рамки принципиальной научной полемики.

По нашему твердому убеждению, нельзя так однозначно характеризовать деятельность Ф. Боденштедта. К такому выводу нас приводит целый ряд объективных заключений.

Во-первых, общеизвестно, что оригиналы стихотворений Мирза-Шафи Вазеха за редким исключением не сохранились, и наши представления о его творчестве в основном основываются на материалах, обнаруженных

¹ И. К. Ениколопов. Поэт Мирза-Шафи. Баку, Аз-ФАН, 1938; А. А. Сеид-заде. Мирза-Шафи или Боденштедт? (К вопросу о происхождении, объеме и характере плагиаторства Фр. Боденштедта). Баку, изд. АГУ, 1940; М. Рафили. Мирза-Шафи в мировой литературе. Баку, Азернешр, 1958.

именно Ф. Боденштедтом, и уже хотя бы поэтому последний заслуживает определенного признания.

Во-вторых, Ф. Боденштедт бережно относился к наследию Мирза-Шафи Вазеха, творчески подходил к нему, свидетельством чего является тот факт, что в его переводах четко опутим дух стиха азербайджанского поэта, его свособразный стиль. Сохранив в своих переводах основные особенности поэзии Мирза-Шафи Вазеха, Ф. Боденштедт дал возможность многочисленным переводчикам с немецкого (в том числе и азербайджанским переводчикам) довести их до своих национальных читателей.

В-третьих, и это, наверное, самое главное. Анализ имеющихся материалов позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на «откровения» Ф. Боденштедта о минимости авторства Мирза-Шафи Вазеха, в сознании читателей имя азербайджанского поэта отнюдь не было вытеснено именем его плагиатора. В западноевропейских и русских изданиях и книжной продукции конца прошлого столетия имя Мирза-Шафи Вазеха под «песнями» можно встретить гораздо чаще, чем имя Ф. Боденштедта.

Многочисленные европейские переводчики, перелагая стихи азербайджанского поэта с немецких переводов на различные языки, принесли Мирза-Шафи Вазеху завидную популярность, которую можно соизмерить только с успехом, выпавшим на ориентальные произведения великих европейских романтиков (И. В. Гете, Дж. Байрона, Т. Мура) первой половины прошлого столетия. Азербайджанскому поэту, таким образом, выпала счастливая участь вновь возбудить интерес западноевропейского общества к Востоку, способствовать возрождению всеобщего увлечения ориентальной поэзией.

Причины этой необычайной популярности поэзии Мирза-Шафи Вазеха следует искать как в ее жизнеутверждающем пафосе, так и в глубоком интересе европейского читателя к Востоку, который, хотя и несколько ослабел ко времени появления изданий Ф. Боденштедта, но подспудно сохранялся.

Возрождение в Европе интереса к Востоку было замечено в русском обществе, вновь начинающем увлекаться ориентализмом. Заметим, что в постоянной отзывчивости русского общества к Востоку наряду с ориентацией на европейские вкусы и настроения немаловажную роль играло географическое соседство России с

Кавказом, Турцией и Персией. Эти два фактора и сыграли решающую роль в последовательной и тщательной разработке русскими писателями темы Востока, вызвавшей к жизни целый ряд выдающихся произведений. А начальным этапом освоения в России темы Востока оказался именно век Мирза-Шафи Вазеха, XIX век, когда уже за два первых десятилетия Россия, следуя выше-названным традициям западноевропейской романтической ориенталистики, по существу открыла для себя Восток. На русском языке появились первые прозаические пересказы образов восточной поэзии — произведений Саади, Гафиза, Фирдоуси, Джами, Низами, Руми и других поэтов Востока, выполненные с языков-посредников (английского, французского, немецкого, латыни).

Необходимость налаживания различных контактов с восточными народами, подсказанная уже самой жизнью, являлась толчком проведения правительством ряда мер по изучению восточных языков. В крупнейших российских университетах (Москва, Санкт-Петербург, Казань, Харьков) были открыты кафедры восточных языков, что в конечном итоге способствовало возникновению русского востоковедения. В результате деятельности первых русских востоковедов — А. Болдырева, Н. Коноплева, М. Коркунова, Н. Моисеева, С. Соловьева, Д. Ознобичина-Делибурядера, П. Петрова и других — стихотворения корифеев восточной поэзии, переведенные непосредственно с оригиналов, в 1830-е годы завоевали на русском языке, быстро завоевав невиданную популярность у читательской публики и неизменное сочувствие издателей и редакторов журналов, газет и альманахов.

Ориентальная тема, таким образом, стала к концу 1830-х годов неотъемлемой частью русского литературного процесса. Это было не слепое следование модной теме и не расчет на обывательский интерес к экзотике Востока. Тема Востока давала возможность русским писателям обходить цензурные рогатки и через инациональный, ориентальный колорит высказывать злободневные мысли и идеи. Не случайно тема Востока находит в первой трети прошлого столетия отражение в творчестве таких виднейших деятелей русской литературы, как А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов, писатели-декабристы, М. Ю. Лермонтов.

Однако в последующем развитии русской литерату-

ры, в 40-е — 50-е годы тема Востока как бы отступает на задний план и в творчестве представителей гоголевского направления и некрасовской школы почти не встречается. Исключение — стихи Я. П. Полонского.

Смерть Николая I в 1855 году и события, связанные с подготовкой крестьянской реформы 1861 года, привели к созданию революционной ситуации. Характерно, что именно в эти годы русская читающая публика открывает для себя поэзию Мирза-Шафи Вазеха и лучшие литературные и творческие силы тогдашней России активно берутся за перевод немецких изданий «Песен Мирза-Шафи».

Среди русских дореволюционных переводчиков Мирза-Шафи Вазеха поэт некрасовской школы, революционер, приговоренный к каторжным работам, М. Л. Михайлов, поэт и критик П. Ф. Якубович, великий русский композитор П. И. Чайковский, близкий знакомый Л. Н. Толстого, спискавший его уважение, Н. И. Эйферт, видный русский поэт С. Я. Надсон, писатель А. К. Шеллер-Михайлов, сотрудник знаменитого участника в нем А. П. Чехова журнала «Будильник» Ф. Калугин, известные в свое время поэты-переводчики В. В. Марков, А. А. и И. Ф. Тхоржевские, И. С. Продан.

Это были люди разные по своему дарованию, политическим симпатиям и антипатиям, что в конечном счете, как в зеркале, отразилось и в их переводах.

Так, если М. Л. Михайлов и П. Ф. Якубович собирали для своих переводов большей частью протестантские, бунтарские стихотворения, то, например, И. С. Продан и Ф. Калугина интересовали произведения общепhilosophического характера, тогда как остальные переводчики отдавали предпочтение «песням», содержащим мотивы своего рода анакреонтики и эпикурензма. Различные поэтические способности предопределяло и различие в уровне переводов. Русские переводы «Песен» Мирза-Шафи Вазеха вызвали восторженную оценку таких художников слова, как Л. Н. Толстой и А. А. Фет, привлекли внимание выдающегося русского композитора А. Г. Рубинштейна, написавшего на них двенадцать романсов (предварительно созданных на основе немецких переводов Ф. Боденштедта).

Удачи и недолгости русских дореволюционных переводов поэзии Мирза-Шафи Вазеха были учтены в советскую эпоху, когда В. Луговской, Е. Долматовский и

особенно П. Гребнев, вооруженные достижениями советской переводческой школы, сумели в значительной степени приблизить свои переводы к стилю азербайджанского поэта.

Вместе с тем, задачи, связанные с дальнейшим изучением и распространением литературного наследия Мирза-Шафи Вазеха, отчетливо сформулированные в Постановлении ЦК КП Азербайджана «Об усилении изучения творческого наследия азербайджанского поэта-просветителя М. Ш. Вазеха...», принятом в июне 1981 года, еще ждут своего разрешения.

Один из путей к их разрешению можно, на наш взгляд, найти в объединении усилий специалистов-вазеховедов различного профиля (литературоведов и текстологов, переводчиков и историков) для пересмотра сделанного, для совместных поисков отправных точек будущих исследований.

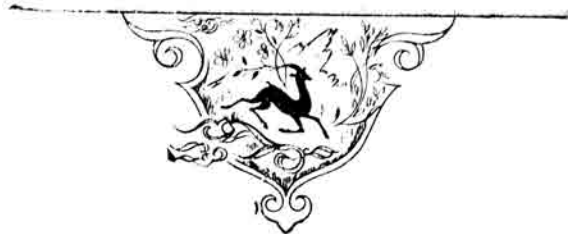
Журналист Ровшан Мустафаев, со студенческой скамьи исследующий тему «Поэзия Мирза-Шафи Вазеха и Россия», составил предлагаемый читателям сборник из малоизвестных и забытых русских переводов азербайджанского поэта. Предлагаемая книга — одно из первых изданий в этом роде. В ней современный читатель сможет ознакомиться с выполненными в основном в прошлом веке русскими переводами поэзии Мирза-Шафи Вазеха, тогда же опубликованными на страницах малодоступных в наши дни периодических и книжных изданий и за редким исключением не переиздававшимися. Собранные под одной обложкой, эти переводы ясно показывают эволюцию освоения поэзии Мирза-Шафи Вазеха в России, отразившую и непреходящий интерес русского общества к теме Востока.

Материалы сборника представляют интерес не просто как литературный факт. Они не только способны пополнили представления современного читателя о степени распространения творчества Мирза-Шафи Вазеха в России, но и могут отдельными штрихами, нюансами, деталями внести уточнения (и порой необходимые) в верное прочтение произведений азербайджанского поэта. Они, в конечном счете, способны вызвать к жизни и новые переводы, более совершенные.

Сборник этот, как нам представляется, будет с интересом принят читательскими кругами. Он восполнит существенный пробел нашего литературоведения, а глав-

ное, вызовет к жизни творческие поиски, быть может, новые страницы в изучении темы Востока в русской литературе, в истории азербайджанской классической литературы, в разработке проблем русско-азербайджанских литературных взаимоотношений, в частности творческого наследия Мирза-Шафи Вазеха.

Агиль ГАДЖИЕВ,
доктор филологических наук.

* * *

Уж лучше век непризнанному быть,
Но высшего достойным по заслуге,
Чем без заслуг себя превозносить
И низким быть, вращаясь в высшем круге!

Мирза-Шафи Вазех

(Перевод Н. И. Эйферта)

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПЕРЕВОДЧИК

¹ Паставник мне Хáfиз, а школой — шинок,
Люблю виноградный пурпуровый сок,
Всем весельчакам я сродни и знаком,
Они называют меня мудрецом.
Иду ли — ко мне все толпами снесат,
Останусь ли с ними на лишний часок,
Все рады, как дети, стаканы — чок, чок...
Я богу молюсь и прошу об одном,
Чтоб я был пореже со скукой знаком,
А бонзов совсем не встречал на веку:
Они нагоняют на сердце тоску
И нам заграждают дорогу к шинку;
Чтоб алые губки всегда целовал,
С друзьями в шинке день и ночь пировал!

* * *

² Пою ли песнь — и сердце дев
Трепещет от веселья,
Ес отборные слова
Блестят подобно перлам.

И те слова напоены
Как бы дыханьем гурий,
Благоухают как букет,
Зулейкою мне данный.

Не удивляйтесь тому,
Что я такой кудесник,
И что я с мудростью своей
Не прочь и от безумья.

Когда б вы знали, от кого
Займствовал я мудрость —
Она взята из милых глаз
И стала чудной песней!

М. Л. МИХАЙЛОВ

3 Мирза-Шафи! Пчелой прилежной
Ты долго по свету летал,
Тебя поили влагой нежной
Фиал лилеи белоспешной
И розы пурпурный фиал.

Пора из рощи благосклонной,
Мирза-Шафи, тебе домой.
С своею ношей благовонной
На крыльях песни легкозвонной
Лети к подруге молодой.

* * *

4 Распахни покрывало! Не прячь ты себя!
Ведь не прячутся розы в саду у тебя...
Красота тебе богом, как розе, дана,
Ты, как роза, на радость очей создана.
Создана ты под солнцем цвести и сиять,
Перестань же чадрую лицо закрывать.

Распахни покрывало! Увидит весь свет,
Что пышней и желанней красавицы нет.
Пусть огнем по сердцам пробегает твой
взгляд,

А уста многоценным рубином горят.
И одна только ночь самотканой чадрой
Облегает твой лик и твой стан молодой!
Покажись... Пред лицом твоим бледен и
нем,

У султана в Стамбуле смутился гарем,
Да и где же, когда же, какой падишах
Перед взглядом таким не упал бы во
прах?

Не тумань же чадрой лучезарных очей,
Торжества красоты и блаженства людей!

П. И. ЧАЙКОВСКИЙ

Клубится волною кипучею Кур,
Восходит дневное светило,
Как весело сердцу, душе как легко —
О! Если б навеки так было,
О! Если б навеки так было!
Кубок полон мой, я впиваю с вином
И бодрость, и радость, и силу,
Ослепляет меня чудный блеск очей —
О! Если б навеки так было,
О! Если б навеки так было!
Вот ночь наступает, природу с небес
Светом кротким луна озарила,
Но и в мраке сияет звезда любви —
О! Если б навеки так было,
О! Если б навеки так было!

* * *

6 Как увижу твои ноженки я,
Не могу понять, о дева рая,
Как они могут красоту твою нести,
Столько красоты...

Как увижу твои рученьки я,
Не могу понять, о дева рая,
Как они могут наносить такие раны,
Такие раны...

Как увижу твои губки я,
Не могу понять, о дева рая,
Как они могут в поцелуе отказать,
Отказать...

Как увижу твои глазки я,
Не могу понять, о дева рая,
Как они могут больше требовать любви,
Чем моя...

Снизойди ко мне,
Слышишь, как бьется сердце, о дева рая,
Ты такого сердца не найдешь.
Песню сладкую мою услышь,
Лучше меня никто, о дева рая,
Твою красоту не воспевает.

* * *

7 Как солнце небесам, ты свет
И жизнь вливаешь в сердце мне,
Там без тебя холод и смерть
И, как в сырой могиле, тьма.

16

Так на земле божественную
Красу скрывает мрак ночной,
Но лишь опять солнце взойдет,
Снова красуется земля.

* * *

8 Мне розан жалобно сказал:
«Недолго я душист бываю,
Весна пройдет, и умираю».

Я в утешенье отвечал,
Что жизнь его оберегаю
И в песне к жизни возвращаю.

* * *

9 Тому, кто хочет жить легко,
Друзья, необходимо,
Чтоб в кубке пенилось вино,
Не проливаясь мимо.

Кто больше пьет, тот и умней,
Тому живется веселей,
И легче и привольней.

Как над долиной цепи гор,
Высоко над толпою
Стоит мудрец, что с ранних пор
К вину привык душою.

Златит вершины свет дневной
И в влаге пенистой, живой
Природу отражает.

17

2 Зак. 874

М. Ф. Агайлов адына
Азерб. Республика
КИТАБХАНАСЫ

1-613360

Скажите, что нам свет дает
Помимо опьянения?
Нет, тот несчастный, кто не пьет,
Достоин сожаления.

Одно лишь знаю я ценней,
Когда с Гафизою моей
Мы время коротаем.

И если жизнь так коротка, —
Чтоб наслаждаться дольше,
Мы станем спрашивать вина
И пить как можно больше.

Итак, дитя мое, не жди,
Решись скорей и к нам сойди,
Как солнце сходит в горы!

* * *

10 Нас по одной дороге
Судьба с тобой ведет,
Твой образ благородный
Всегда со мной живет.

Ко мне ты можешь в море
Глубоких дум сойти,
Чтоб снова ранним утром,
Как солнце, там взойти!

* * *

11 Нераспустившийся цветочек,
Склонись в объятия мои!
Ты так давно мне полюбился,

18

Я выращу тебя,
Чтобы ты, расцветая,
В лилею обратился.

* * *

12 Над морем солнце блещет,
И, солнце отражая,
Катятся тихо волны,
Одна с другой играя.

Так в море моих песен
Твоя краса сияет,
Тобой полны те песни,
Тебя лишь отражают...

* * *

13 Не будь сурова, милый друг,
Когда, любовию горя,
Я тайно ручку жму твою,
Молю лобзаний у тебя.

За то, что я тебя люблю,
Любовью чистой, неземной,
Прости пожатие руки
И поцелуй горячий мой.

Услышь в лобзании моем
Звук сладкой песни о любви
И не сердись, когда опять
К тебе прильнут уста мои.

19

- 14 Велел создатель солнцу
Светить по всей земле;
Цвети велел он розам
В небесной своей красе.
Он над морской пучиной
Горам повелел вздыматься,
Дал волю буйному ветру,
Водам велел волноваться.
Он дал пернатым пташкам
И пестрые крылья и голос,
А мне он дал песнопенья,
Вам — уши, чтобы их слышать;
И моря вечный шум,
И яркий солнца свет,
И ветра буйный вой,
И розы нежный цвет
Господним повеленьем
В моей душе живут,
Поются в песнопеньях!

В. В. МАРКОВ

- 15 Сердце бьется непослушно
Ноет страстью и болит,
Как походкою воздушной
Предо мной она скользит.
Ниспадает белоснежный
По плечам ее покров;
Взор исполнен думы нежной
Сердца пылких грез и снов.

Нет роскошнее созданья!
Рвутся вон из одеянья
Формы тела; вокруг чела
Масса темных кос легла.
Все в ней жизнь, все — отраженье
Жизни скрытого огня,
Все — источник упоенья,
И мученный для меня.

Оттого-то непослушно
Сердце ноет и дрожит,
Как походкою воздушной
Предо мной она скользит.

Пышным выделан узором
В ткани платья голубой
Роз, нарциссов пестрый рой...
Из-под платья — перед взором —
Пламенеет будто жар
Алый шелк ее шальвар.
Как заря ее румянец,
Блеск лилеи — цвет лица,
Блеск рубина — уст багрянец...
Обаянье без конца!

Сердце бьется непослушно,
Ноет страстью и болит,
Как походкою воздушной
Предо мной она скользит.

* * *

- 16 Набожный любит подзвездную сень,
Скорбный — на участь роптанье,
Чающий лучшего — завтрашний день,
Мудрый — луч мысли и знанье.

* * *

- 17 В ком разум есть, не бегает далёко,
Чтоб близкое добыть,
И за звездой не тянется высокой,
Чтоб лампу засветить.

* * *

- 18 Колкий терн — эмблема злая
Равнодушья или гнева!
И, сблизенья избегая,
Гордо терн вручит мне дсва.

Если ж мне она приветно
Почку розы юной кинет, —
Знак, что ждать не буду тщетно,
Пусть лишь пламень мой не стынет!

Но когда созревшей розы
Цвет она мне даст в молчанье, —
Все сбылись блаженства грезы!
То в любви ее признанье!

Очарован тайной силой
Я в сомненьях изнываю
И цветком вопроса — к милой
Песнь душистую бросаю!

* * *

- 19 Мирза-Шафи, с огнем в очах,
Поет друзьям: «Златая лира!
Опять ищу в твоих струнах
Души гармонии и мира!

Пусть с дикой силой ханжество
И глупость, видя нас, косятся;
Мы верим в наше торжество,
Так нам ли злобы их пугаться?

Стоять за Разум — наш обет —
Дружиной крепкой, вдохновенной,
Чтоб невозбранно мысли свет
Сиял на всех путях вселенной!

Мы Истинны мечом разим —
Острей он всех клинков Дамаска;
Бельмо он срежет с глаз слепым,
И рассечет притворства маску!

Нам внятен жизни смысл, и мы,
Смеясь над суетной угрозой
Кликуш, пугающих умы,
Дружим с вином и девой-розой!

Хор вечных звезд на нас струит
В лучах огонь неугасимый...
Огонь тот в песнях наших скрыт,
И в сердце радостно горит,
Как дань красы боготворимой!

Друзья! Творящий Дух послал
На землю нас с веселой вестью
И нам законом предписал
Печаль вменять себе в бесчестье!»

* * *

20 Встарь кто-то вздумал объявить,
Что мы на горе рождены,
Что лишь страдать да слезы лить
Мы на земле обречены.

С тех пор — сказать, так прямо смех! —
Сброд жалких этих слов,
Глаголом неба стал для всех
Душою робких, простаков.

Но ведь таких — везде толпы!
И вот — прощай ряд красных дней,
В народе сузились лбы,
А уши выросли длинней.

* * *

21 О мулла! Как прекрасно вино,
И хулить его, право, грешно!
Объявляю о том громогласно,
Хоть молчи, хоть ругайся — напрасно.

Не желанье к молитве поспеть
Завело меня в эту мечеть;
Охмелевши с дороги я сбился
И нечаянно здесь очутился!

* * *

22 Когда я нел: с веселым будь шутив,
Не знай пред сильным униженья,
А с низшими будь добр, не спесив —
Хвалили все дух мудрый песнопенья.
Когда ж пожить я вздумал в духе том,
Все начали честить меня глушцом.

* * *

23 Будто солнцем горячим равнина небес,
Мое сердце тобой озаряется,
Ты ему — луч дневной, откровенье чудес,
Без тебя оно в ночь погружается.

Так для взора не видно творенья красы,
Когда сумрак в мир надвигается,
И вся роскошь земли блещет только в
часы,
Когда солнышко ей улыбается.

* * *

24 Я как-то при дворе в чести великой был,
И шах не раз мне жаловался горько,
Что нет при нем людей, кто б правду
говорил,
Нагую правду всю, любимую им столько.

Подумав, я нашел, что к жалобам таким
У шаха есть резон, и я, чтоб зло
исправить,
Усердно защищать стал правду перед
ним —
Вдруг шах мне приказал немедля двор
оставить.

Немало есть владык, желающих вкушать
От хлеба истины суровой,
Но только редким дан желудок столь
суровый,
Чтоб истину переварить.

* * *

25 К возвышенной цели согласно идем мы
Согласной стопой!
В неволю охотно отдался бы оба,
Ты вместе со мной!
В сердцах друг у друга, за крепким за-
твором,
Мы скрыты с тобой!
Нас двое, но жизнью одной мы согреты,
Одною душой!
Мы будто две рыбки трепещемся рядом

На уде одной!
Но духом мы реем в лазурные выси
Орлиной четой!

* * *

26 Рука моя всегда готова
Извлечь из цитры звук живой,
Всегда при мне живое слово,
Томлюсь иль радуюсь душой.

Доколе страсти мне послушны
И я игру их сознаю,
Мне в ухо тайный хор воздушный
Льет песнь свою и я пою.

Но в дивный миг преображенья
От чар могучих красоты,
В миг чудотворный наслажденья
В тот миг блаженства полноты, —

В устах немеют песни звуки,
Молчит гармония струя,
Как иногда в час страстной муки.
Смолкают трели соловья.

Когда нам шлет судьба благая
Отрад верховных благодать,
Постичь мы в силах тайны рая,
Но их не в силах рассказать.

Кто солнца передаст сиянье
В венце полуденных лучей?
Кто выдержит одно сверканье
Лицом к лицу ее очей?

А. К. ШЕЛЛЕР-МИХАЙЛОВ

СЛОВО

27 Источник нагорный,
Бегущий ручьями
В широкие реки,
В соленое море,
К своей колыбели
В всеобщем движеньи
Вернется опять.

Лучи золотые
Могучего солнца
По каплям из моря
Его извлекают,
И сложатся в тучи
Те капли, и быстро
Услужливый ветер
На горные выси

Умчит их опять.
Живущему в мире
Дано назначенье
Себя обновлять.

Цветок, распускаясь,
Несет в себе семя
Для новых цветков.
В плоде ароматном
Зародыши жизни
Таятся в зерне.

Что дышит — воскреснет
Из праха и тленья —
И наши могилы
Живой колыбелью
Послужат другим.

Так все в этой жизни
Цветет, чтоб увянуть,
Увянет, чтоб снова
Растить и цвести.

Но жизнь дать создаю,
Цветущему вечно
И чуждому смены, —
Затеplить то пламя,
Которое может
Сверкая, как солнце,
Вовек не угаснуть,
Согреть наше сердце,
Возвысить нам душу,
Способно лишь слово,
Предвечную правдой
Рожденное в мире.

Ф. КАЛУГИН

28 К дивану визирей
Мне шах велел явиться, —
Исполнил я приказ.
— Мирза! Теперь о том,
Что слышал, объясниться
Ты должен без приказа!

Я отвечал: «Твое
Исполню я желание!
Вот мнение старика:
Хоть мельницы, о шах,
И слышно мне трещанье,
Но не видна мука».

* * *

29 Для того воспоминанья
Полный сделаем глоток,
Как в шинок мной из мечети
Первый сделан был прыжок.

В ханжестве слепом погрязнув,
Дряхлый стал я, как старик, —
Но любовь, вино и пенье
Оживило меня вмиг.

Пей, Мирза, и наслаждайся
Вдоволь пеньем и вином!
Лишь в похмелье наполняешь
Песни ярким ты огнем!

* * *

30 Зимой пою и пью я, братья,
Ликуя, что близка весна;
Придет весна — и пью опять я,
Ликуя, что пришла она.

* * *

31 В тот час, когда перед дверями рая
На страшный суд сойдется род людской
И грешники, решенья ожидая,
О прошлом вспомнят с горькою тоской, —
Один из грешников толпы, тогда я
Не буду одержим боязнью роковой:
Ведь на земле давно уж двери рая
Открыты мне — о, милая! — тобой...

* * *

32 Небес могучий Эльборус
Касается главою;
Весна внизу его, а верх
Под снежной пеленою.

Я сам, как старый Эльборус,
Покрыт уж сединою,
А ты — прекрасная весна,
Что веет под горою!

* * *

33 Плакать мне или смеяться,
Что глупцов на свете много?
Нет, друзья мои, за это
Восхваляю я лучше бога:

Ведь не будь наш свет наполнен
Дураками и глупцами,
Дорожить бы мы, наверно,
Мало стали мудрецами!

* * *

34 Глушцу вовек не поумнеть от чтенья
Научных книг и мудрых сочинений:
Хоть мудрости прочтет он изреченья,
Но не поймет он мудрость изречений!

* * *

35 В наш век реальный, век практичный,
Глупцам вольготней стало жить;
Не надо мудрости античной,
Чтоб мудрецом теперь прослыть.

Будь глуп, но будь миллионером,
Имей открытый стол и дом, —
И станешь ты для всех примером,
И будешь назван «мудрецом»!

Н. И. ЭЙФЕРТ

36 Не огорчай младую жизнь напрасно,
Не отвергай ты лучший божий дар,
Не замыкай уста от лоз напитка
И в сердце не туши любовный жар.

Награды лучшей, чем вино и ласка,
Не даст земля твоим стремленьям в дар.
Чти эти божества земного счастья
И жертвы возноси на их алтарь.

Глупец тоскует о небесном рае,
А сам живет, как жалкий золотарь.
Пусть муфтий нам грозит чертями, адом,
Но мудрому не страшен сей кошмар.

Пусть муфтий думает, что все он может,
Мирза-Шафи не верит в силу чар.

ВЕЛИКОМУ ВИЗИРЮ

37 Визирь великий, как смотришь сердито!
Ведь страшен не ты, а власть твоя!
Хотя тебе честь отдают открыто,
Но все глумятся, смех затая!

Визирь великий! Смотрите на гордого!
Хоть на груди и орден блестит,
Все же ты резан из дерева твердого,
Лаком золотистым только покрыт.

Хвастает, кажется он важной птицей,
Вслед за султаном повсюду все бродит, —
Нули выступают за единицей:
Так преогромная цифра выходит!

Визирь великий! Смотрите на гордого!
Хоть золотистым лаком покрыт,
Все же ты резан из дерева твердого,
Блеск освещает твой собственный стыд!

ИСПРАВЛЕНИЕ СВЕТА

38 «На свете все неравномерно,
Что мало, терпит от большого, —
Все слажено было бы верно,
Не будь неравенства такого!»

Вот плач хулителей каков, —
Кругом дурным все называют,
Хулит комар за то орлов,
Не так они, как он, летают.
Будь великан, как карлик, мал,
Чтоб карлик великаном стал,

Исправим мира мы пороки:
Пора равенство учредить,
Пусть горы, как провал, глубоки,
А рвы горами могут быть.

Большое в малое пусть вступит,
Что редко, с частым съединим,
Пусть разум глупости уступит,
Алмаз мы в кремень обратим,

Когда же это все случится,
Меня зовите подивиться!

* * *

- 39 Греха все люди носят бремя;
Но тот, кто лишь себе вредит,
Наполовину грех творит;
Во всякое ж опасен время
Греха другим несущий семя!

* * *

- 40 Если пахнут мечетью поэта стихи слиш-
ком густо
И ноют ужасно, —
Так и знай: в голове стихотворца должно
быть и пусто,
И очень неясно.

ПРОЩАНИЕ С ТИФЛИСОМ

- 41 Прекрасен ты, город Куры, и плодами
богат!
Прекрасны особенно жены твои и сыны,
Ты — море мучений моих, ты —
море отрад,
Перлы в котором сердцем моим найдены,
С поклоном и полною чашей я петь тебя
рад!

Скалы и горы вокруг обнимают тебя,
Плодотворные воды везде орошают тебя,
Зреют в ветвистых кустах,
В ярких зеленых полях
Вина твои, огнистые,
Катятся талой водой
Через дикие плиты скалистые.

Старые сакли ползут
Повсюду с зеленых полсеї
Кверху, где горы желтеї.
Со скал обрывистых тут
Крепости смотрят руины,
Замки в долину Куры;
Там видны дворцы-исполины,
Дома без числа и дворы.

Виден повсюду толпой
Пестрый на рынках народ —
Над этим небесный свод
Прекрасный и голубой.
Для довершенья красот
Ряд легких балконов идет.

Галереи везде извиваются
Вокруг на твоих домах;
На эти балконы взбираются
Ночью при лунных лучах
Красавицы в стройных чадрах.

Они оперлись на перила,
Их пестрые платья порхают —
Их лица так сладки и милы,
Их малые ножки мелькают,
Сверкают под белой чадрой
Их черные очи порой...

Прекрасен ты, город Куры, и плодами
богат!

Прекрасны особенно жены твои и сыны!
Ты — море мучений моих, ты —
море отрад,
Перлы в котором сердцем моим найдены,
С поклоном и с полною чашей я петь тебя
рад!

* * *

42 Коль песнь пою, — упоены
Сердца девиц в избытке,
Слова ведь жемчугу равны,
Что на подбор на нитке.

От них исходит аромат,
Как вздохи гурий славных,
Как будто из цветов летят,
Зулейкою мне данных.

Не изумляйтесь, что певец
Столь чудное свершает,
Что с резвой юностью мудрец
Союз свой заключает.

Сказать ли вам, кто мудрость дал,
Какими шла путями?
В глазах у милой что читал,
То и одел словами.

Не диво, если песни вам
Звучат с сокрытой силой:
Что изливала мысль устам,
Есть отблеск только милой.

Подобно кубку Джем* она —
Источник откровенья,
И чарам дверь отворена,
Где мудрость всеуменья.

Скажи, пою ль бледнее я
Певицы поднебесной?
Не так же ль песнь легка моя,
Как поступи у прелестной?!

* * *

43 Ужасней смерти есть беда
У милых смертных, — то нужда!
Ни жить, ни умереть равно
Не дав, с нас жизни цвет срывает,
И что нам малого дано,
То с сердца в цвете лет срывает!

* *Кубок Джем* — в восточной мифологии кубок, на дне которого открываются загадки бытия.

Гордыню мудреца смиряет,
Глупцу она служить велит,
Заботу горькую рождает,
А потому, что жить велит.

Нужда — поэзии могила
И до служенья доводила
Гому, кого давили бы,
Скорее, чем служили бы.

Пока тебя беда ни скосит,
Пускай твой дух не упадет;
Несчастье мудрого не сносит,
Но мудрость все ж его снесет!

* * *

44 Из ключа вина живого
С дна, где ток его кипущий,
Бьет нам ад и бьет отрада,
Много доброго и злого,
А цена, что стоит пьющий,
От его зависит взгляда.

В пошлость погружен глубоко,
Пал глупец, подкошен хмелю;
Коль он пьет, то пьет жестоко,
Мы же пьем — парим к веселью!

Искра остроумья блещет
Говор с уст летит небесный,
Жар в душе у нас трепещет,
От красы хмельны чудесной!

Сок вина на дождь походит,
Он в грязи грязь сам бывает,
Но на почве доброй всходит
Плод и в пользу нам бывает.

* * *

45 Блажен, кому судьбой в удел
Закон предписан был всегда,
Чтоб он легко на все глядел,
Любил бы дев и пил всегда!

* * *

46 Лучше звездное сиянье,
Чем сияние без звезд, —
Зерен лучше содержанье,
Чем скорлупы от их гнезд.
Деньги лучше без кармана,
Чем пустой карман, —
Вина лучше без стакана,
Чем пустой стакан!

ПЕСНЯ О КРАСОТЕ

47 Я на базаре пел
Песнь о красе твоей.
Кто слышал, сердцем млея,
Дивясь красе твоей.

Курд тронул, персиян,
Арменей сыновей,
Татар и христиан
Слух о красе твоей.

Певцам известен стал
Тон песенки моей,
И всякий воспевал
Лишь о красе твоей.

Разодрана чадра,
Чтоб взор привык скорей,
Давно всем знать пора
Песнь о красе твоей.

Краса пройдет — будь песня тут
В утеху старых дней;
Всегда поют и все поют
Песнь о красе твоей!

П. Ф. ЯКУБОВИЧ

48 Есть претрудные дороги —
Там болота, здесь гора:
Но длиннее всех на свете
Путь от сердца до пера!

* * *

49 За стеной моей соседка, —
Враг заклятый мой,
Голосок ее нередко
Слышен день-деньской...

На мышцах и на супруге
Расточает гнев,
И, охрипнув от натуги,
Плачет нараспев.

Но уж если мне на горе,
Муж словцо ввернет —
Буря встанет! Звуков море
Снова потечет...

Жизнь не все — любовь и грезы:
Много есть в ней гроз,
Без шипов не сыщешь розы,
Но милы ль шипы без роз?

* * *

- 50 За счастьем призрачную тенью
Ведет нас праздная мечта
От наслажденья к наслажденью:
Очнемся — в сердце пустота.

ПЕРЕД РАЗЛУКОЙ

- 51 Месяц ясный по темному небу плывет,
Ночь душна, как предвестница бури;
На прощанье гляжу я на зеркало вод,
Отразившее купол небесной лазури...

Точно призрак, корабль показался вдали,
Чуть мелькнул огонек — и упала завеса...
Легкой дымкой туманы на поле легли
До далекой опушки уснувшего леса...

Вяло, с ропотом мягким, на берег морской
Катят пену свою серебристые волны;
Я безмолвно слежу их прибой и отбой,
Созерцания тихого полный.

И невольно приходят в ночной тишине
Мне на память другие прекрасные ночи...
Ах, то время умчалось подобно волне,
За которой следят утомленные очи!

И цветы унесла роковая гроза...
И певца уже в роще не слышно...
Но весна, поражавшая слух и глаза,
Сохранилась в душе моей пышно!

* * *

- 52 Мы еще долго сидели,
Старый хозяин и я,
Наши бокалы шипели,
Кровь разыгралась моя...

В сердце, давно охладевшем,
Вновь расцветала весна...
Нет! Кахетинского ввек я
Не пил такого вина...

Чудную влагу тянул я,
Чмокал губами ее,
В песню тотчас обращалось
Каждое слово мое!

И как Адам до паденья,
С ясным лучом на челе,
Всё я хотел осчастливить:
До червяка на земле!

— Эх! — восклицал я. — Когда бы
Мог я расплыться в вино, —
С струйкой морской я слился бы
И погрузился на дно.

Мудрый и сладкий напиток
Рыбам доставил бы пир...
Эх, кабы к рыбам туда же
Весь ниспровергнулся мир!

Возле меня б очутились
«Мудрые школы», мечеть,
Все чудеса и святые —
Было б на что поглядеть!

Любо бы видеть, как сразу
Стала бы корчиться там
И захлебнулась водою
Вся эта ветошь и хлам.

Все на земле я хотел бы
Освободить от оков
И захлебнуть всю науку
Я бы волною готов!

Пусть бы погибла и снова
Пусть бы восстала она
В новом сиянье и блеске,
Сил небывалых полна!

Старый хозяин ответил
(Вдруг оживились черты):
— Полно, Мирза-Шафи! Право,
Это пустые мечты.

Прежде чем, другу на горе,
Ты разольешься в вино,
Чтобы отправиться в море, —
Пей, пока льется оно!

Трезвы глупцы да святоши,
С ними тягаться куда ж!
А мудрецы не оставят
Капли от налитых чаш...

* * *

53 Дождь хлещет, рожочут
Удары сердитого грома,
И люди пугливо укрылись
Под теплою кровлею дома.
Туда все живое стремится
С дороги, с открытого поля...
А мне... Мне не теплая кровля,
Нужна мне раздольная воля!

На волю! На дикую волю!
И лучше погибнуть жочу я
В объятиях огненных бури,
В безумье ее поцелуя.
О, лучше на ужасы грома
Сменил бы я узника долю:
Туда бы, за душевные стены, —
На волю! На волю! На волю!

* * *

54 Вам не нравится, что вечно
Воспевал я все одно —
Все любовь, весну да розы,
Да живящее вино?

Что же, лучше нам, поэтам,
Петь сверчка ночного треск,
Свет мигающей лампы
Или солнца вечный блеск?

Я лучи из мира звуков,
Как и солнце, щедро лью, —
Не пою предметов низких,
Красоту одну пою!

Пусть другие прославляют
Битву, скипетр и месть,
Я решился только розы
И вино с любовью петь!

О, Мирза-Шафи, как славно
Пахнет твой волшебный стих:
Никогда еще не пелось
Песен радостных таких!

К РЕБЕНКУ

⁵⁶ Еще качает в колыбели
Тебя заботливая мать,
И много дней еще без цели
Ты будешь в мире прозябать.

Но день наступит испытанья —
И на распутье роковом
Ты станешь в робком колебанье...
Как знать о выборе твоём?

Святую правду невозможно
Из меха в мех переливать,
Ее мы долгой и упорной
Борьбой должны завоевать!

Как в почве, плугом размягченной,
Посев восходит молодой,
Так связью связана живой
Она с душой лишь, закаленной
Войною, пошлостью земной.

Но все живое во вселенной —
На пашне, в сердце ли людей —
Все ждет росы благословенной,
Все ищет солнечных лучей;
Во всем заметно в высь стремленье,
Как будто там его удел...

* * *

⁵⁶ Поет и горюет в саду соловей,
Покинув головкой своей:
«Что в том, что так сладостны
 песни мои,
Мелодии вечной любви?
Вот если бы розы все прелести мне,
Ах, был бы я счастлив вполне!»

Горюет и роза на грядке цветов:
«Что жизнь моя? Сердце без слов...
Что в том, что сияньем своей красоты
Затмила я наши цветы?
Вот если б мне голос и дар соловья,
Была бы царицею я!»

Мирза-Шафи подает им совет,
Что в жалобах их толку нет!
Ты, роза, любуйся одеждой своей,
Как прежде, ты пой, соловей!
Служите вы оба в усладу людей
Для лиры веселой моей!

МАНИФЕСТ

- 57 Манифест собственноручно
Подписал персидский шах,
И народ его дивился,
И шумел на площадях.
Мудрость царскую, ликуя,
До небес превознесли:
«Слава, слава падишаху
За пределами земли!»

Но Мирза-Шафи в сторонке
Головой седой поник:
«Неужели я как должно
Понимаю этот крик?
Глубоко же уваженье,
К властелину здешних мест,
Если смотрят с изумленьем
На разумный манифест».

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

(из песен утешения)

- 58 За листвою увянет лист —
Новый народится:
Слышен бурн зимний свист,
А весна уж снится.
Пустит зернышко росток,
А само завянет,
Но взошедший стебелек
Пышным кедром встанет.
И не думай, что зерно
Навсегда пропало:

Зреет плод — в плоду оно,
Жизнь пойдет сначала.
Мчатся волны ручейка
Взмахами живыми:
Он питает облака,
Сам же полон ими.
Изменяем впереди,
Кажется конца нет;
Что уйдет в одной груди,
То в другой настанет.
Если утром омрачен
Милый взор слезою,
Ночью ярко светит он
Не одной звездою.
Все проходит, все спешит
В темную могилу,
Но внутри себя хранит
Возрожденья силу!
На земле и ад, и рай!
И во дни ненастья
О былом не вспоминай —
Впереди есть счастье.
Притянуть его к себе
Невозможно людям:
Покоримся же судьбе,
Ждать с надеждой будем!

КИПАРИС

- 59 Свободы дерево, роскошный кипарис
Ветвями никогда не поникает вниз:
Он рвется на простор, к лазурным
небесам,
И строен, и могуч, и прям.

Не удручен он ношею плодов,
И не боится бури и снегов
Его беспечно-гордая краса:
О ней пекутся сами небеса!

Любя таинственный и вечно тихий сон,
Кладбище мирное собой украсил он;
Прохладна и сладка его густая тень
В томительный палящий день.

Как символ вечной юности любви,
Зеленой башнею он высится вдали,
Под ним червей раздольные пиры,
Над ним же — звезд приветные миры...

ТИМУР

⁶⁰ «Тот, кто крови пролил много
Из-за славы на земле,
Не избегнет кары бога
Он с проклятьем на челе».

Тимур злой однажды слышал
Из дворца такой напев, —
Из себя властитель вышел,
Закричал, побагровев:

«Пусть сюда певец предстанет!»
Тот приходит во дворец.
«Если царь твой грозно взглянет,
Ты расскаешься, певец?»

«В чем раскаяться? Отчизне
Служит вещей дар певца...»
«Но цари лишают жизни!»
«Знаю, царь. И без венца

Убивает тигр в пустыне.
Даже камень, с высоты
Крыши падая... и ныне
То же хочешь сделать ты?...»

Долго, полночи темнее,
Думал Тимур...
«Так возьми ж
Перстень мой и прочь скорее,
Если жизнью дорожишь!»

И с тех пор тирану хуже —
До кончины он хирел,
А певец все песню ту же
Утверждающую пел:

Пел все громче и свободней
Про задавленный народ,
Призывая гром господний
На того, кто всех гнетет!

В МОРЕ

⁶¹ Спустился вечер,
Луна из туч
На грозный глетчер
Бросает луч.
Сверкают слезы
В глазах монах...
За грезой грезы...

Чу! Чаек крик.
 Им вторят волны
 И ветра вой,
 И думы полны
 Одной тобой.
 Гляжу, печальный,
 На край небес:
 Уж берег дальний
 Во тьме исчез.
 На крыльях песен
 К тебе лечу...
 Твой взор чудесен —
 Сродни лучу!
 Пусть хлещут волны
 О челн мой,
 Но думы полны
 Одной тобой.

* * *

62 Когда порой — и милый, и веселый —
 Твой взор так ласково поконтся на мне,
 Мой дух, подавленный заботою тяжелой,
 Расплавится, как золото в огне.

Уходишь ты... но в сердце остается
 Какой-то образ дивный, тень твоя...
 И как для розы — песни соловья,
 Так для тебя моя из сердца льется!

К ЗВЕЗДАМ

63 Гляжу на вас, звезды, в немом упоенье —
 И так высоко, высоко я!
 От вечности вы получили стремленье
 И к ней же стремитесь, не зная
 покоя.
 И я — эта искорка, светоч мгновенный,
 Которому страшно зефира
 дыханье, —
 Бросаю я взор свой на перлы вселенной
 В глубоком и гордом сознание,
 Что Зодчий, могучею силой искусства
 Создавший гармонию эту,
 И разум мне дал и горячее чувство —
 Ступень к неизменному свету.
 И пусть вы в своем бесконечном полете
 В дали беспредельной повисли,
 Но я властелин ваш! Нередко блеснете
 Во мне вы, как яркие мысли;
 Порой и во сне, когда жизненной прозой
 Вконец истомленный, смежаю
 я очи,
 Мой мозг озаряете светлою грезой
 Вы, звезды, светильники ночи!
 Любуюсь на ваши лучи золотые,
 Я сам вашим блеском сияю:
 Как дети в венок свой цветы луговые,
 Я вас в мои песни влетаю.

* * *

64 Чуть заблещет на горе весна,
 Солнца луч растопит снег и лед,
 Зелень первая воспрянет ото сна
 И в траве цветочек промелькнет,

Стихнет лишь вокруг
Говорливых вьюг
Шум и вой досадливый,
Как вдруг —
Побегут ручьи,
Зажурчит волна:
О, полна любви
Светлая весна!

Когда солнца отблеск золотой
Лижет глетчер и ручей скользит
По оврагу, брызгая волной,
Когда лес пестреет и шумит, —
Воздух так душист,
Небосклон так чист!
Ветерок зеленый нежит лист...
С гор бегут ручьи
И журчит волна,
О, полна любви
Дивная весна!

Не цвела ль такая же весна
Той порой, когда склонилась ты
Мне на грудь, смущения полна
И мила, как ангел красоты?
В голубую высь
Соловья неслись
Трели; и уста в поцелуй слились,
И с душой душа...
Пела нам волна:
О, как хороша
Светлая весна!

* * *

65 «Пей вино — и печали не ведай!»
Поговорка, не правда ль, умна?
Ты, как я, ей разумно последуй:
Книга мудрости — чарка вина!

Человека в раю, в этой первой отчизне,
Поселяя, сказал бог: «Ты царь у меня!
И да будет полна голова твоя жизни,
А напиток твой — чар и огня!»

Вот за то, надо думать, к Адаму-бедняге
Грех великий так скоро пристал:
Оценить не сумевши божественной влаги,
Он в раю, без сомненья, скучал...

Человеческий род, в разъяренном веселье,
Злой поток истребил. Уцелел один Ной —
И сказал ему бог: «Ты любил виноделье,
Будь же ты моим верным слугой!

От тебя я создам не такую породу —
Ты спасайся в ковчеге с семьею своей,
Те же, пьющие жалкую пресную воду,
Пусть потонут, пресытившись ей!»

Ты бы так же, Мирза-Шафи, спасся
в ту пору,
Как и праведный Ной, от беды,
Виноделье любя, ты пошел бы не скоро
В царство скучное трезвой воды.

66 Я стараюсь всеми силами —
 Образ дивный отогнать,
 Ах, с мечтами, сердцу милыми,
 Трудно, трудно воевать.
 Всё приветствует солнышка луч золотой,
 Жадно встречи с ним ищет лоза вино-
 градная,
 Так же рвется и сердце мое за тобой,
 Мое солнце, моя ненаглядная!

РАССКАЗ О ПРЕКРАСНОЙ СУЛТАНШЕ ФАТЬМЕ

67 На двор роскошный, где, сверкая,
 Фонтан из мрамора бежит,
 Журчаньем воздух оглашая, —
 Султанша из окна глядит.
 Из звезд пленительных гарема
 Всех ярче Фатьма красотой:
 Сулят все радости эдема
 Ее глаза во тьме ночной...
 Улыбка на устах змеится,
 В осанке нега, страсти жар...
 Из смертных кто не согласится,
 Что рождена она для чар?

Но крик нечаянный раздался
 Из уст ее, дрожащ и слаб:
 Там, на лужайке, верный раб
 Ягненка резать собирался.
 А между тем как чуть дыша,
 Как бы живое состраданье,
 Она стояла в ожиданье,
 Бледна и чудно хороша, —

Рабыня, полная смиренья,
 Вошла и стала у дверей
 Перед владычицей своей:
 След непонятого смущенья
 Заметен на лице у ней,
 И, отирая быстро слезы,
 Подходит Фатьма к ней, —
 Горят в глазах ее угрозы...
 — Ну, что, подействовал ли яд?

Рабыня, трепеща, кивает
 Едва заметно головой,
 И радость гордая сверкает
 В глазах у ханши молодой!
 «Давно ему и ей хотела
 Я дать торжественный урок!
 Стыдиться нечего мне дела,
 В котором счастья залог.
 Была тут тишина эдема,
 Но он привез ее, чтоб мой
 Покой встревожить... ночь гарема
 Должна одной сиять звездой!»

И месть насытив, одалиска*
 Слезу роняет из очей;
 Глядит на двор, где к ней так близко
 Фонтан журчит еще сильнее,
 Взлетая до листвы зеленой
 Своею пылью золоченой,
 Остатком солнечных лучей...
 И был тяжел невыносимо
 И душен воздух: туча шла,
 Грозя не пронестись мимо, —

* *Одалиска* — наложница в гареме.

За ней ложилась почти мгла...
И Фатьме душно было тоже:
Склонясь нылающим челом
К подушке, думала на ложе
Она забыться тихим сном.
Но сон не шел! Уже сверкала
На небе молния порой...
Она спокойствия искала —
Увы! Не приходил покой.

И. и А. ТХОРЖЕВСКИЕ

- 68 Если поэту объять необъятное
Хочется, — брось его книжку, мой друг...
Часто влечет к себе тех непонятное,
Кто на понятие туг.

* * *

- 69 Что мне плакать или смеяться
Оттого, что люди глупы?
Все твердят слова чужие,
На свои же мысли скупы.

Нет! Творца за то я славлю,
Что умом людишки слабы;
Будь глупцов поменьше, мудрость
Незамеченной прошла бы.

* * *

70 Послушай, что о правде, брат,
Уста народа говорят:
— Кто правду любит, для того
Пусть будет взнуздан конь его.
Кто правду мыслит, — не лежи,
А ногу в стремя держи!
А тот, кто правду говорит,
Пусть руки в крылья превратит!

С. Я. НАДСОН

ЗУЛЕЙКА

71 Ни ангелов, сияющих в лазурных небесах,
Ни роз, благоухающих в задумчивых садах,
Ни неги ослепительных, полуденных лучей
Я не сравню с Зулейкою, красавицей моей.

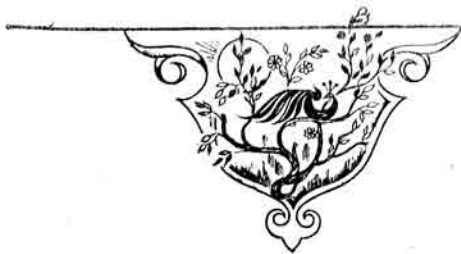
Чужд непорочных ангелов недуг любви земной,
В садах без острых терний нет розы ни одной,
И гасит солнце к вечеру огонь своих лучей,
Но к ним не приравняю я красавицы моей!

К. О. ГАН

ТИФЛИС

⁷² Пришел я в большой город,
В котором имеется много злых языков,
Где злословят всех и каждого.
Люди ругают друг друга самыми
Непозволительными словами
И при этом живут между собой
очень сносно.

И. С. ПРОДАН

⁷³ «Мирза-Шафи! Какими ты судьбами
В толпу глухих попал, певец?
Как зрячий очутился меж слепцами
И меж глупцов попал мудрец?»

Ответил я: «Что толку в мудром слове?
К глупцам-то пусть идет мудрец,
Чтоб семя мудрости возшло на нови:
Ведь к мудрым не придет глупец.

Одно пусть взвесит, кто воображает,
Что он разумен и могуч:
И солнце даже, грешных озаряя,
На землю вниз роиет луч!»

* * *

⁷⁴ Противен мне набор тех рифм слащавых,
Где скрыта пустота лишь фраз кудрявых:

Где лишь вздыхают
И воспевают
Златые лиры,
Струи Зефира,
Сиянье Феба*
В лазури неба,
Иль темны очи
Средь темной ночи,
Иль розы и слезы,
Иль младость и сладость,
Иль кровь и любовь, —

И разный старый хлам,
Приятный лишь глупцам
И барышне наивной,
Разумным же противный.

* * *

75 Да, есть поэты, что хнычут вечно
Притворно о тоске сердечной
И стонут, словно умирают,
О чувствах лгут в своих стихах,
А настоящих чувств не знают, —
Поэтому в чужих сердцах
Глубоких чувств не пробуждают.
Долой такое направление!
В нем вкуса, смысла отречение!
Правдивым, самобытным,
Притом не беспредметным,
Пусть будет истинное пенье,
Равно и чувств изображение!

* Феб — второе имя Аполлона, божества солнечного света.

* * *

76 Дух божий землю пронизает,
Волну и неба свод:
Из глуби влагу выдыхает
И солнца жар с высот.

Велит орлу парить в лазури,
Наседке не летать;
Соловушке петь об Амуре,
Павлину горло драть.

Создал он силы раздвоенья —
Дозволил лжи царить;
Но дал и мудрости стремление,
Оковы чтоб разбить.

Весна восполнит нам убытки,
Что принесла зима:
Мудрец прядет златые нитки
Из лжи, уродств ума.

Творца путей и он не знает —
Не знать их мудрецам, —
Но из полыни извлекает
Целительный бальзам.

* * *

77 Вращаются миры,
Не уходя с орбиты,
По тем же все путям,
Как будто к ним прибиты.

Как прежде средь людей
Не утихает злоба,
Все те же страсти их
От зыбки и до гроба.

Цветут в лугах цветы
Душистые прелестно!
И отцветают все
Тихонько повсеместно.

Природа жизнь дает
И жизнь уничтожает, —
Животное одно
Другое пожирает.

От множества смертей
Жизнь пищу получает
И к смерти в свой черед
Себя же приближает.

Так все, что родилось,
И умирает вечно,
Как движутся миры
В орбитах бесконечно.

В круженье этом жизнь
До бешенства дошла бы,
Когда и свет, и смысл
Любовь ей не дала бы!

* * *

78 Вот с Запада миссионеры
Пришли в одеждах черных к нам
И догматы нам «чистой веры»
Преподают по всем местам:

Как предан был наш род проклятьям
За первородный грех отцов
И как Христос своим распятием
Принес спасенье от грехов.

«Чтоб проповедовать ученье,
Сам папа римский нас избрал;
А зародится в ком сомненье,
На веки вечны тот пропал!

Кто в веру нашу обратится,
Того мы к свету поведем...»
Но чем мне папа поручится,
Что он непогрешим во всем?

Мне непонятны ни проклятья,
Ни грех, которым мир объят,
Пока Гафизы мне объятья
Сомнения не разрешат.

Так научи меня Закону,
Миссионерша ты моя:
Твой лик заменит мне икону,
А Библию — краса твоя!

* * *

79 Что стройность ели,
Что глаз газели
Пред станом стройным,
Пред глазом знойным
Твоим, резвушка,
Зулейка-душка?

Что розы алой
Густой багрянец,
Что цвет коралла?
Пышней румянец
И красны губки
Твои, голубка!

Что луга Ширы
Благоуханья,
Что роз с Зефиром
Ночным лобзанья
Перед эфиром
Твоих дыханий?

Что песни сладость,
Гафизом петой,
Что жизни радость
В устах поэта
Пред речью кроткой
Твоей, красотка?

Что солнце красно,
Что месяц ясный,
Что звезд мерцанье?
Их всех призванье —
С тобою знатья...

Что я такое...
Что песен звуки,
Что сердца муки?
Певцы и слуги
К твоей услуге!

* * *

80 Всему есть время: миг лови,
Когда счастливый миг настанет.
Кто посвятил себя любви,
Играть в любовь уж тот не станет.

Кто вечно о любви поет
И хнычет, словно ржавы дверцы,
Тому как раз недостает
Того, о чем он хнычет: сердца.

* * *

81 Жизнь есть ссуда, а не дар бессрочный.
Сколько ты шагов пройдешь до гроба,
Неизвестно: итак, безупречно
Долг свой исполняй, и смолкнет злоба.

Пред чужим не раболепствуй мненьем,
Внешним видом счастья не прельщайся —
Благам внутренним дай предпочтение,
И что жизнь дает, тем наслаждайся!

Не желай, чтоб мир твоим желаньям
Подчинялся: вечен строй вселенной.
Изучи его ты со стараньем,
С ним желанья согласуй смиренно.

Н. Г. ШЕБУЕВ

82 Хафиз — вот мой учитель. Мечеть — лю-
бой шинок.
Люблю людей я добрых и вина глоток,
И жизнь моя проходит в попойках без
конца.
За то мне люди дали прозвание мудреца.
Куда приду, — все рады, кричат:
«Пришел мудрец!»
Коль нет меня, — толкуют: «А где же наш
мудрец?»
Останусь — бьют стаканы: «Он с нами,
наш мудрец!..»
Звенят, звенят стаканы. А я молю:
«Аллах!
Направь, как можно лучше и сердце и
мой шаг
Подальше от мечети! Всевышний сделай
так,
Чтоб сердце мчалось к деве, а ноги шли
в шинок,

Чтобы уйти подальше от глупости я мог».
Хочу найти в стакане разгадку бытия,
Хочу по стану милой весь мир освоить я.
О сладостное чувство! Аллах, молю
внемли:
Пошли вина Колхиды, чтоб загорелась
кровь,
Чтоб, с милою обнявшись, испивши всю
любовь,
Блаженные, в блаженстве мы умереть
могли...

И. К. ЕНИКОЛОПОВ

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

(Поэма)

85 «Ты пел нам так часто о ланитах твоей любимой, о том как бутоны весною раскрываются, наполненные радостью и красотой цветения: но почему твоя песня никогда не звучала о делах давно прошедших времен?»

Ведь из твоего племени были герои, обремененные славой и высокой честью, ведь однажды уже господствовали татарские князья над русскими, татарский хан повелевал русскими царями и обращал их в рабство.

Он летал высоко на крыльях славы до берегов великого океана, и когда он сел на коня, князь русских помогал ему своими руками, смиренно подавал

ему уздечку и коленапреклоненно лобызал полы его одежды.

Разве не подобало бы сыну Золотой Орды почтить в песне деяния отцов и сказаниями о былой славе будить в потомках снова жажду славы?»

Вот мой ответ: «Преданья старины нам говорят о великих и малых героях, которые совершали с Золотой Ордой набеги для большого человекоубийства.

Один народ подавляет и угнетает другие и роскошествует в славе победы и счастья; тогда поднимается другой народ и мстит ему за выстраданное бесчестье — так было в старину, так может быть и ныне и всегда, — и это не тема для моих песен.

Однажды татарский хан сделал своим данником русский народ, потом отомстили за себя русские полчища, покорили и начали угнетать татар в этом воздаянье. Какая мне забота, что народ и князья алчут победной славой и добычи? Это не в моем нраве. Пусть каждый живет в своей области и поступает по своему разумению. И я пою о том, что мне нравится, а этого на свете так много, что я всю жизнь могу черпать из этого источника и могу обойтись без блеска былых времен».

Е. А. ДОЛМАТОВСКИЙ

СУСАНИ

54 На ниве нежности не раз прошла ты,
Сусани,
Султаншею в стране чудес была ты,
Сусани.
Я жертва глаз твоих; меня сожгла ты,
Сусани.
Своим кивком меня убить могла ты,
Сусани.
Узнают все — меня с ума свела ты,
Сусани.

При виде стана твоего согнулись тополя,
При виде локонов легли пшеничные поля,
Ты опьянила красный мак, его испепеля.
О сердце пьяное, чего ты ищешь здесь,
моля?
Причиной крови уж не раз была ты,
Сусани.

Ты ангел, а твое лицо — иль солнце,
иль луна.
Я пьян тобой — ведь чарка мне теперь
запрещена.
Без покрывала покажись, светла, тонка,
стройна.
Как прядь волос на лбу твоем прекрасна
и нежна!
Влюбленному большой соблази дала ты,
Сусани.

Осанке, стану твоему подстать
один атлас.
Ты можешь мне назначить казнь одним
движеньем глаз.
По слову твоему Христос еще воскреснет
раз,
А в том, кто на тебя взглянул, свет
разума погас.
Все мысли разом у него смела ты, Сусани.
Восходит солнце каждый день, поклон
тебе дарит,
Ты по утрам выходишь в сад — и тополь
весь дрожит,
Бутоны, увидев ротик твой, от зависти
горит.
Люблю тебя, гяура дочь: тот прав, кто
говорит,
Что от аллаха прочь меня взяла ты,
Сусани.

К странице 11.

Долго бродил корреспондент журнала «Сын Отечества» по старому Тифлису, любуясь им и делая наброски с натуры, которые пригодятся ему в заказанной редакцией статье. К полудню устал бродить, а отдохнуть решил у Зальцмана, пользующегося в Тифлисе репутацией «известного и честного трактирщика». Здесь веселье было в самом разгаре: распевались песни, рекою текло кахетинское...

А потом один из завсегдатаев трактира, призвав всех к тишине, поднял бокал шампанского и экспромтом перевел два стихотворения Мирза-Шафи Вазеха, назвав уже тогда его знаменитым поэтом и «нынешним Хафизом Востока».

Книга Ф. Боденштедта «Тысяча и один день на Востоке», где впервые были опубликованы стихи Мирза-Шафи Вазеха, увидела свет в Германии в начале 1850 года. Апрельский номер «Сына Отечества», где было описано вышеизложенное и напечатаны стихи, о которых идет речь, верстался в феврале—марте; корреспонденту было необходимо время на поездку в Тифлис, на сбор материала, на возвращение в столицу. Учитывая все это, можно смело предположить, что первые русские переводы песен Мирза-Шафи Вазеха были выполнены еще задолго до выхода в свет в Германии книги Ф. Боденштедта и, следовательно, осуществлены были не с немецкого, как утверждал Ф. Боденштедт, а с азербайджанского или персидского языков, на которых творил поэт.

Пытаясь хотя бы приблизительно выяснить личность первого русского переводчика поэзии Мирза-Шафи Вазеха, мы исходили прежде всего из того, что этот человек должен в достаточной степени хорошо владеть двумя (тремя?) языками, чтобы экспромтом переводить стихи. Тифлиссские трактиры (в том числе и трактир Зальцмана) в основном посещали офицеры местного гарнизона, преимущественно местного происхождения. Предположив, что Мирза-Шафи писал, главным образом, на азербайджанском языке, можно представить себе и то, что первым его переводчиком был служивший

С. ЗАЯЦКИЙ И А. ЕФРЕМОВ

* * *

85 Хотел тебе венок сплести я,
Но роз нигде не мог найти я,
Вот пышный я собрал букет,
Ах, но тебя теперь уж нет.

в русской армии азербайджанец, каких было особенно много в тифлисском гарнизоне.

Таким образом, первые русские переводы стихов Мирза-Шафи Вазеха были выполнены еще при жизни поэта, хотя он, по всей вероятности, об этом даже не знал.

1—2. Сын Отечества, 1850, № 4, с. 8—9.

Лит. И. К. Ениколопов. Мирза-Шафи. Баку, АзФАН, 1938; А. А. Сенд-заде. Мирза-Шафи Вазех. Баку, Азерб. респ., 1969.

К странице 13.

Михаил Ларионович (Илларионович) Михайлов (1829 — 1865), выдающийся деятель второго этапа русского освободительного движения, соратник Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, поэт, публицист, переводчик. За активную революционную деятельность был сослан царским правительством на каторгу. Выражая всеобщее возмущение прогрессивной русской общественности по этому поводу, А. И. Герцен писал о М. Л. Михайлове: «Человек, гонимый за свои мнения, за слово, снова гордо стоит перед судом... он знает, что его слово жадно слушается, он знает, что его пример будет великою проповедью». (А. И. Герцен. Собр. соч. в 30-ти тт. М., 1959, т. 17, с. 109—110).

Широк диапазон переводческой деятельности М. Л. Михайлова, охватывающий произведения Эсхила, Анакреона, Руми, Саади, Мура, Беранже, Байрона, Гете, Шиллера, Петефи, Шевченко и др. На неразрывную связь переводческой деятельности М. Л. Михайлова с его революционными взглядами указывал в свое время чиновник особых поручений министерства внутренних дел граф П. И. Капнист, относивший М. Л. Михайлова к авторам, которые «... обратились к переводам с иностранных языков тех именно лирических пьес, в которых изображены яркими красками неудовлетворительные стороны общественной жизни на Западе со всеми язвами пролетариата, и в этих переводах стараются внешними формами стиха, выражений или переделкой содержания напомнить некоторые явления из нашей жизни». (П. И. Капнист. Соч., М., 1901, с. 419).

В связи с переводом М. Л. Михайлова стихотворений Мирза-Шафи Вазеха интерес представляет наблю-

дение профессора М. З. Садыхова: «В «Современнике» песня «Распахни покрывало!» дана без ссылки «из Боденштедта», как обычно делали все русские переводчики 80-х годов, рассматривающие немецкого переводчика в качестве автора песен. Михайлов, по-видимому, знал о Мирза-Шафи больше... В 1861 г., когда Михайлов сидел в крепости, друзья решили издать сборник его стихотворений... Сборник представлялся Михайлову в шести «отделах»: подражания восточным, из английских, немецких, славянских, венгерских поэтов, народные песни... Произведения Мирза-Шафи не названы ни в первом, ни в третьем «отделах», хотя песни Мирза-Шафи заняли соответствующее место вместе с произведениями Гете, Байрона, Шевченко, Петефи». (М. З. Садыхов. Азербайджан в русской литературе первой половины XIX века. Баку, 1969, с. 81—82).

Песня Мирза-Шафи Вазеха «Распахни покрывало!» находится в непосредственной связи со взглядами на эмансипацию женщины М. Л. Михайлова, посвятившего этому вопросу ряд статей, после которых он был провозглашен современниками «творцом женского вопроса».

3. Развлечение, 1860, № 6, с. 72.

4. Современник, 1855, № 4, с. 396.

Лит. М. Л. Михайлов. Сочинения в трех томах. М., 1958; М. Л. Михайлов. Собрание стихотворений Л., Советский писатель, 1969.

К странице 15.

Петр Ильич Чайковский (1840 — 1893) — великий русский композитор. 1870 годом датируется его перевод текстов Мирза-Шафи Вазеха для романсов А. Г. Рубинштейна, вошедших в историю русской музыки под названием «Персидские Песни» (в последних изданиях партитуры А. Г. Рубинштейна название это переименовано в «12 песен на слова Мирзы Шафи» (См., например, Л., Музгиз, 1950, автор предисловия и составитель Л. Баренбойм).

«Персидские Песни» — одно из лучших произведений А. Г. Рубинштейна. Этот вокальный цикл выдержал десятки изданий и до сих пор пользуется популярностью. Лучшим его исполнителем был Ф. И. Шаляпин, первой исполнительницей — известная в свое время веймарская певица Эмилия Генаст. В 1855 году, гастролируя в Ве-

не, А. Г. Рубинштейн впервые включил их в свою программу. Вокальный цикл произвел на слушателей большое впечатление. По свидетельству тогдашних газет, через несколько дней после их исполнения по всей столице Австрии можно было услышать «Клубится волночю кипучею Кур». (Т. Хопрова, А. Г. Рубенштейн. Л., Государственное музыкальное издательство, 1963, с. 48).

Известно, что П. И. Чайковский отнюдь не был профессиональным литератором. С другой стороны, перед ним стояла очень сложная задача: подлаживать русские тексты под широкоизвестные мелодии А. Г. Рубенштейна. Отсюда понятно, почему переводы П. И. Чайковского несовершенны с литературных позиций, но оказались вполне приемлемыми в музыке. Характерно, что «переводы П. И. Чайковского стали традиционными и вошли в концертную и педагогическую практику». (Л. Баренбойм. Предисловие к партитуре 12 песен на слова Мирзы Шафи. Л., Музгиз, 1960, Приложение).

Заметим, что П. И. Чайковский единственный переводчик Мирза-Шафи Вазеха, который дает название реки Куры в азербайджанском варианте «Кур».

Известно, что П. И. Чайковский в 1887 году побывал в Азербайджане, любовался Баку, о чем восторженно писал в письме к Н. Ф. фон Мекк: «Этот город совершенно неожиданно для меня оказался прелестным во всех отношениях...» (П. И. Чайковский. Полное собрание сочинений. М., Госполитиздат, 1961, т. 6, с. 117).

5—14. А. Г. Рубинштейн. 12 песен на слова Мирзы Шафи. Партитура, Л., Музгиз, 1960.

Лит. П. И. Чайковский. Полное собрание сочинений в семнадцати томах. Т. 6. М., Госполитиздат, 1961; Фаиг Мустафаев. Насиде в Баку. В книге: Силуэты времени. Баку, Гянджлик, 1981.

К странице 21.

Марков Василий Васильевич (1834—1883), писатель. Н. Г. Чернышевский поручал ему переводить для «Современника», издававшейся при нем «Исторической Библиотеки» произведения Шлоссера и Маколя.

— Как талантливого переводчика редактору журнала «Вестник Европы» М. М. Стасюлевичу В. В. Маркова

рекомендовал в своем письме от 8 сентября 1871 года известный русский публицист, переводчик и пародист В. П. Буренин. (См. М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб, 1912, т. 2, с. 543). «Песни Мирза-Шафи» в переводе В. В. Маркова были опубликованы в журнале «Вестник Европы» № 4 за 1873 год. Публикации этой предпослана небольшая аннотация, сообщающая читателям сведения о немецких изданиях песен Мирза-Шафи Вазеха (в одной только Германии к тому времени было осуществлено тридцать три издания). Переводы стихов Мирза-Шафи Вазеха В. В. Маркову в целом удались, на что указывали уже современники («Россия», 1880, № 19 от 4 октября, с. 4). Положительные отзывы побудили В. В. Маркова включить свои переводы в сборник «На встречу», увидевший свет в 1878 году.

15—26. «Вестник Европы», 1873, т. 2 (апрель), с. 458—470; «На встречу» (очерки и стихотворения). СПб, 1878.

Лит. «Сын Отечества», 1869, № 1, с. 107—110; «Отечественные записки», 1878, № 9; «Родина», 1883, № 343; «Свет», 1883, № 273; «Исторический Вестник», 1884, № 1, с. 223; № 2, с. 460.

К странице 28.

Александр Константинович Шеллер (подписывался псевдонимом А. Михайлов), известный русский беллетрист, редактор популярного издания «Сын Отечества» и журнала «Живописное обозрение». Согласно Энциклопедическому словарю Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона, литературная деятельность А. К. Шеллера-Михайлова началась в 1859 году с сотрудничества в журнале «Современник» (первое его стихотворение опубликовал Н. А. Некрасов).

Характеризуя свою переводческую деятельность, А. К. Шеллер-Михайлов писал: «...За исключением некоторых, случайно переведенных мною стихотворений, большая часть выбранных мною для перевода произведений посвящена жизни тех людей, которым почему бы то ни было не легко жилось на свете. Эти произведения служат как бы дополнением к моим собственным стихам. В них высказано то, чего не мог бы и не умел бы высказать я лучше и полнее». (Цит. по книге:

Н. И. Эйферт, сын саратовского обрусевшего немца, зарабатывавший на жизнь репетиторством — преподаванием немецкого языка. Исходя из этого факта, А. А. Сенд-заде в свое время высказал предположение, что именно Н. И. Эйферт и мог бы быть тем неизвестным «домашним учителем», который познакомил Л. Н. Толстого с поэзией Мирза-Шафи Вазеха, о чем великий писатель восторженно сообщал в письме к поэту А. А. Фету: «...Он мне привез на днях Мирза-Шафи... Там есть прелестные вещи. Знаете ли вы их?» (Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. М., — Л., 1934, т. 63, с. 14). В ответном письме А. А. Фета читаем: «С Мирзой Шафи совершенно не знаком. И жалею, я люблю Восток. С хорошим репетитором поздравляю». (А. А. Фет. Сочинения в двух томах. М., Художественная литература, 1982, т. 2, с. 275).

Вышеуказанная переписка датируется 1880 годом, и речь в ней, вероятнее всего, идет о сборнике «Песни Мирза-Шафи с прологом Фридриха Боденштедта», изданном в том же году в Москве в переводе Н. И. Эйферта.

Современному литературоведению мало что известно о личности и жизнедеятельности Н. И. Эйферта. Более того, долгое время считалось, что «Песни Мирза-Шафи с прологом Фридриха Боденштедта» — это единственное выступление Н. И. Эйферта в печати. Однако недавно в фондах Государственной библиотеки им. В. И. Ленина нами был обнаружен еще один поэтический сборник переводов Н. И. Эйферта — Роберт Гамерлинг. Агасфер в Риме. Стихотворения в 6-ти песнях. М., 1887. Перевод Н. И. Эйферта.

Что же касается эйфертовских переводов поэзии Мирза-Шафи Вазеха, то интерес представляет мнение о них цензора И. Ф. Рахманинова: «С цензурной точки зрения обращают на себя внимание, во-первых, те стихотворения, в которых автор высказывает предпочтение земным, чисто материальным наслаждениям перед благами духовными, небесными, вечными, которые обещаны религией (22, 44, 50, 53, 77, 145, 153 и 159 стр.); во-вторых, те, которые заключают в себе саркастические взгляды на власть (69 и 170 стр.), и, наконец, в-третьих, одно эротическое стихотворение, выраженное в слишком

А. И. Фаресов. А. К. Шеллер (А. Михайлов). Биография и мои о нем воспоминания. СПб, 1901, с. 63).

27. А. Михайлов. Сочинения. СПб, 1875, т. 6, с. 135—136. («Из Боденштедта»).

Лит. А. И. Фаресов. А. К. Шеллер. (А. Михайлов). Биография и мои о нем воспоминания. СПб, 1901; Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. 1903, т. 39, с. 438—439.

К странице 30.

В ряду русских периодических изданий, обращавшихся в прошлом веке к поэзии Мирза-Шафи Вазеха, особое место занимают публикации журнала «Будильник» (за 1878 г. № 32 и за 1879 г. № 28), вошедшего в историю русской литературы в качестве «чеховского» издания (поскольку в нем на протяжении ряда лет сотрудничал под псевдонимом «А. Чехонте» А. П. Чехов).

Рождение «Будильника» совпало с периодом расцвета русской сатирической журналистики, с появлением целого ряда остросоциальных, сатирических изданий, бичующих самодержавный строй.

Удобной формой выражения своих политических и социальных позиций для журнала, подверженного предвзвешенной цензуре, стали стихи Мирза-Шафи Вазеха, опубликованные в двух номерах.

Что же касается личности их переводчика Ф. Калугина, то современное литературоведение не располагает какими-либо сведениями о нем. Ни в числе членов редколлегии, ни в числе активных авторов фамилия Ф. Калугина не упоминается. Нет ее в критико-биографических справочниках того времени. Но, думается, что это был достаточно прогрессивный и талантливый литератор: его переводы стихов Мирза-Шафи Вазеха лучшее тому подтверждение.

28—35. «Будильник», 1878, № 32; 1879, № 28.

Лит. Краткая Литературная Энциклопедия. М., Советская Энциклопедия, 1962, т. 1, стр. 762—763; И. Г. Ямпольский. Сатирическая журналистика 1860-х годов. Журнал революционной сатиры «Искра» (1853—1873). М., Художественная литература, 1964; И. Г. Ямпольский. Сатирические и юмористические журналы 1860-х годов. Л., ЛГУ, 1973.

пластической форме (196 стр.). Стихотворения первого рода самые важные в цензурном отношении.

Автор так легко относится к предметам веры, насмехается над адом и раем, полами, монахами и миссионерами, мечетями, обещанными благами на небе, благочестивою жизнью на земле в надежде на будущую жизнь, что стихотворения этого рода едва ли могут иметь нравственное влияние на читателей.

Но, с другой стороны, в стихотворениях не заметно прямого кощунства. Все дело в том, что он хочет высказать читателю, что должно все забывать для вина, женщин и любви, которые составляют единственное счастье для человека. Во всяком случае цензор лично крайне затрудняется дозволить эти стихотворения к печати.

Стихотворения второго рода, заключающие в себе сарказм над властью, касаются собственно до восточных властителей и потому, полагает цензор, скорее могут быть допущены к печати...» (Государственный исторический архив Московской области; ф. 31, д. 2171, лл. 38—49, подлинники, фонд московского цензурного комитета).

36—47. «Песни Мирза-Шафи с прологом Фридриха Боденштедта». М., 1880 (перевод Н. И. Эйфорта).

Лит. Россия, СПб, 1880, № 9 от 16 октября, с. 4; Русский Вестник, 1880, т. 150 (ноябрь), с. 395—398; А. А. Сенд-заде. Мирза-Шафи Вазех. Баку, Азернешр, 1969.

К странице 43.

Петр Филиппович Якубович (1860—1911) — один из лидеров революционной организации «Народная Воля», продолжатель дела Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, М. Л. Михайлова, известный поэт, критик, переводчик. За пропаганду идей народофильского движения П. Ф. Якубович в 1884 году был заключен в Петропавловскую крепость. Архивные документы и протоколы допросов свидетельствуют о воле и стойкости революционера, в заключении писавшего стихотворения, полные гражданского пафоса.

В тюрьме П. Ф. Якубович не оставлял борьбы. В время редких свиданий с сестрой поэт передает ей свои рукописи, которые она включила в сборник стихов и пе-

реводов брата, вышедший в свет под редакцией А. К. Шеллера-Михайлова в 1887 году под псевдонимом «Матвей Рамшев» (П. Ф. Якубович имел несколько псевдонимов, наиболее часто употребляемыми были из них: «Матвей Рамшев», «П. Гриневич», «П. Я.», «Л. Мельшин»; см. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей в трех томах, составитель И. Ф. Масанов, М., 1949, Издательство Всесоюзной Книжной палаты, т. 3, с. 835).

Сборник «Матвея Рамшева», включающий наряду с 25 стихотворениями Мирза-Шафи Вазеха стихи и самого П. Ф. Якубовича, и его переводы из Шарля Бодлера — первое столь значительное русское издание «Песен».

Переводы П. Ф. Якубовича из Мирза-Шафи Вазеха остаются одними из лучших. Не случайно один из его переводов «песен» («Манифест собственоручно...») был помещен в поэтическом сборнике «Мастера русского стихотворного перевода» (Л. Советский писатель, Библиотека поэта, 1968, т. II, с. 87).

48—67. «Матвей Рамшев», Стихотворения. СПб, 1887. Некоторые из этих переводов были опубликованы в журналах «Русское богатство», 1882, № 3, с. 122 и «Русская Старина», 1887, т. 55, с. 592—600.

Лит. «Северный вестник», 1887, № 5, с. 148—149; Д. Якубович. Пять писем П. Ф. Якубовича — «Каторга и ссылка», 1928, № 12; Б. Н. Двинянинов. Незвестная диссертация П. Ф. Якубовича — «Русская литература» 1967, № 3; Б. Н. Двинянинов. Меч и Лира, Москва, Наука, 1969.

К странице 61.

Иван Феликсович (1843—1910) и Александра Александровна (1855—1933), дочь известного писателя-петрашевца А. И. Пальма, Тхоржевские — русские переводчики (совместный псевдоним «Иван-да-Марья»), один из инициаторов создания в Тифлисе Народного Дома, целью которого было нести культуру в массы. В Тифлисе ими издавались юмористические журналы «Фаланга» и «Гусли», материалы которых подвергались жестокой цензурной травле.

И. Ф. и А. А. Тхоржевские по сей день считаются одними из лучших переводчиков Беранже, а также грузинских и армянских поэтов. Особенностью их перевод-

ческого искусства является простота построения, предельная близость к оригиналу, строгий отбор языковых средств, что и отмечалось исследователями (см. Г. Макарова. Кто такие «Иван-да-Марья»? — Вопросы и ответы, 1969, № 10).

Будучи членами редколлегии журнала «Кавказский вестник», И. Ф. и А. А. Тхоржевские вели в нем рубрику «Поэзия». В 1900 году они предложили редакции свои новые переводы — три стихотворения Мирза-Шафи Вазеха, которые были опубликованы в журнале с ошибочным указанием имени автора — «Мирза-Гафиз» вместо Мирза-Шафи Вазех. Интересно отметить, что это были стихотворения, уже известные русскому читателю благодаря переводам П. Ф. Якубовича, В. В. Маркова, Ф. Калугина, Н. И. Эйферта. Видимо, издатели «Кавказского Вестника», знакомые с поэзией Хафиза, перепутали двух восточных поэтов, тем более что хафизовские мотивы, как известно, ясно ощутимы в творчестве Мирза-Шафи Вазеха, называвшего Хафиза своим учителем.

68, 69. Кавказский вестник, 1900, № 4, с. 116.

70. Кавказский вестник, 1900, № 5, с. 24.

Лит. Г. Макарова. Кто такие «Иван-да-Марья»? — Вопросы и ответы, 1969, № 10; А. Хаханова. Грузинские поэты на малорусском языке — Кавказский вестник, 1900, № 5; Краткая Литературная Энциклопедия. М., Советская Энциклопедия, 1972, т. 7, с. 700.

К странице 63.

Семен Яковлевич Надсон (1862 — 1887) — известный русский поэт XIX века, лауреат Пушкинской премии.

С. Я. Надсон высоко отзывался о «Песнях Мирза-Шафи», одну из которых, посвященную Зулейке, перевел на русский язык. В 1884 году, находясь на лечении в Висбадене, С. Я. Надсон познакомился с Боденштедтом, заинтересовавшим его именно как «автор» «Песен Мирза-Шафи». Вот как описано это знакомство поэтом в письме В. А. Фаусеку от 12 октября 1884 года: «Я удостоился визита Фридриха Боденштедта, имя которого вам должно быть известно. Да-с! Случилось это таким образом: не имея возможности выйти сегодня из дому сам, — во-первых, по причине подлой погоды, во-вторых, по причине больной ноги, — я просил М. В. купить

в магазине карточку Боденштедта, зайти к нему и попросить его факсимиле. Он продержал М. В. два часа, был зверски любезен, читал ей песни Мирзы Шафи на всех 17 языках, на которые они только переведены, и в заключение, несмотря на то, что погода была très frotage, как говорят у нас во Франции, приехал с нею сам ко мне. Не спрашивайте, на каком языке мы с ним объяснялись, но расстались мы с этим добродушным немцем истыми завзятыми друзьями.» (С. Я. Надсон. Проза. Дневники. Письма. СПб, 1912, с. 551).

71. Стихотворения С. Я. Надсона, СПб, 1903, с. 152.

Лит. Сборник статей, посвященных памяти Надсона. СПб, 1887; Гриневич П. Ф. (Якубович). Надсон и его неизданные стихотворения — «Русское богатство», 1900, № 9, № 10; И. Щуров. Надсон — «В мире книг», 1962, № 12.

К странице 64.

К. О. Ган в 1901 году в 4-м номере журнала «Кавказский вестник» опубликовал статью «Картины главных кавказских рек», в которой читаем: «...Надо только сожалеть, что красивые национальные костюмы, придававшие еще 25 лет тому назад нашим тифлисским улицам столько живого эффекта, теперь постепенно исчезают, что живописные плоские крыши с пестрой толпой веселых мирных обитателей совсем выводятся, что важно и чинно двигавшиеся караваны верблюдов с монотонным звоном больше не проходят по узким улицам города. Да, теперь скуден стал материал для живописца! И что бы сказал теперь Мирза-Шафи (Боденштедт), воспевавший когда-то с таким восторгом сады, в которых прежде утопал город. А прославленное им же вино и с таким же успехом воспетые красавицы — где же все это? Только одно, кажется, не переменялось, о чем поэт говорит после некоторого разочарования. Не многим, вероятно, известны эти едкие стихи, относящиеся к Тифлису: они очень уж прозаичны, а вот и перевод их в прозе...»

И далее следуют вышеприведенные строки.

72. «Кавказский вестник», 1901 № 4, с. 24.

Исидор Саввич Продан, русский ученый, учитель древних языков и логики в прибалтийских гимназиях и на Высших женских курсах, автор ряда научных работ. Особое место в его творчестве занимает сборник переводов Мирза-Шафи Вазеха («Ф. Боденштедт. Песни Мирза-Шафи»). Перевел с 160-ого немецкого издания И. С. Продан. Юрьев, 1903) — единственное дошедшее до нас его выступление в печати в качестве переводчика. Наряду с этим И. С. Продан в некоторых своих работах цитирует стихотворения Мирза-Шафи Вазеха, увлечение которыми объясняет возросшим интересом русской обществу к югу страны, к Кавказу. Характерно, что в предисловии к сборнику переводов стихов Мирза-Шафи Вазеха И. С. Продан принимает авторство Ф. Боденштедта с некоторой оговоркой.

73—81. Ф. Боденштедт. Песни Мирза-Шафи. Перевел с 160-ого немецкого издания И. С. Продан. Юрьев, 1903.

К странице 72.

Николай Георгиевич Шебуев (1874 — 1937), русский советский журналист и писатель. Выпускник юридического факультета Казанского университета. В годы первой русской революции издавал журнал революционной сатиры «Пулемет».

Литературная деятельность Н. Г. Шебуева неразрывно связана с его революционными настроениями, пронизана гражданственностью и оптимизмом. В 1908—14 годы Н. Г. Шебуев издавал журнал «Весна», в котором сотрудничали Л. Н. Андреев, М. М. Пришвин, Н. С. Гумилев, К. Д. Бальмонт, Д. Бедный и другие известные русские писатели.

На сегодняшний день известен лишь один перевод Н. Г. Шебуева из наследия Мирза-Шафи Вазеха, выполненный на достаточно высоком художественном уровне. 82. И. К. Ениколопов. Поэт Мирза-Шафи. Баку, АзФАН, 1938, с. 39.

Лит. В. Боцяновский и Э. Голлербах. Русская сатира первой революции 1905—1906. Л., Государственное издательство, 1925; И. И. Ярославцев. Из «Пулемета» по Зимнему дворцу. — Журналист, 1975, № 8.

Иван Константинович Ениколопов — известный советский литературовед, автор таких основополагающих научных работ, как «Лермонтов на Кавказе» (1940); «Пушкин в Грузии» (1950); «Грибосдов и Восток» (1954); «Лев Николаевич Толстой в Грузии» (1960); «Пушкин в Грузии и под Эрзерумом» (1975) и др.

И. К. Ениколопову принадлежит и большая роль в изучении жизни и деятельности Мирза-Шафи Вазеха. Его монография «Поэт Мирза-Шафи (Баку, АзФАН, 1938) — этапная в современном вазеховедении.

83. И. К. Ениколопов. Поэт Мирза-Шафи. Баку, АзФАН, 1938, с. 80—81.

К странице 76.

Евгений Аронович Долматовский (род. в 1915 году) — известный русский советский поэт, лауреат Государственной премии СССР, один из первых переводчиков азербайджанской поэзии. Вот что писал по этому поводу сам поэт:

«Летом 1938 года Луговской «призвал к себе», как он любил выражаться, группу молодых поэтов. Константин Симонов, Борис Лебедев, Яков Кейхгауз, Маргарита Алигер, Павел Панченко, Леонид Кацнельсон и я прибежали по первому зову «дяди Володи» в его увешанный старыми винтовками и саблями кабинет. Луговской читал нам пышные стихи, звучные которых вряд ли кому-нибудь из нас было известно... Со свойственной ему любовью к таинственности, Луговской говорил о главном визире, владетеле Карабаха, Вагифе, о странствующем поэте Видади, о великом Низами; сочинившем пятьдесят тысяч двустиший и великую «Пятирицу» — основу всей восточной поэзии. Мы узнали, что на берегу Каспийского моря лежат невиданные россыпи жемчугов поэзии, а разработка этого месторождения лишь начинается: задумано и запланировано издание антологии азербайджанской поэзии за восемь веков. Луговской набирает «команду» джигитов-переводчиков, надо ехать в Баку, чтобы на месте, при помощи азербайджанских поэтов и научных работников составить и перевести на русский язык антологию...» (Е. А. Долма-

товский. Предвоенные годы. Сборник воспоминаний о Луговском. М., Советский писатель, 1962, с. 185—186).

В «Антологии азербайджанской поэзии» наряду с широкоизвестными переводами В. А. Луговского из Мирза-Шафи Вазеха был представлен и перевод Е. А. Долматовского.

84. Антология азербайджанской поэзии. М., Художественная литература, 1960, с. 163—164.

Лит. Сборник воспоминаний о Луговском. М., Советский писатель, 1962.

К странице 78.

С. Заяцкий и А. Ефремов — сотрудники Государственного музыкального издательства, переведшие на русский язык немецкий текст стихотворений Мирза-Шафи Вазеха, на которые композитор Ф. Лист написал два романса; «Хотел тебе венок сплести я...» пользуется особой популярностью.

В 1870 году Ф. Лист создал свою транскрипцию романса А. Г. Рубинштейна «Клубится волною кипучею Кур...», которая в современных изданиях озаглавлена как «Азербайджанская песнь».

85. Ф. Лист. Песни. Государственное музыкальное издательство, 1961, с. 76 (перевод С. Заяцкого и А. Ефремова).

Лит. Ф. Лист. Избранные статьи. М., Государственное музыкальное издательство, 1958; А. Рубинштейн. «12 песен на слова Мирзы Шафи». Партитура. Л., Музгиз, 1960.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора

Агиль Гаджиев 3

Неизвестный переводчик

«Наставник мне Хафиз...» 11
«Пою ли песнь — и сердце дев...» 11

М. Л. Михайлов

«Мирза-Шафи! Пчелой прилежной...» 13
«Распахни покрывало!» 13

П. И. Чайковский

«Клубится волною кипучею Кур...» 15
«Как увижу твои ноженки я...» 16
«Как солнце небесам, ты свет...» 16
«Мне розан жалобно сказал...» 17
«Тому, кто хочет жить легко...» 17
«Нас по одной дороге...» 18
«Нераспустившийся цветочек...» 18
«Над морем солнце блещет...» 19
«Не будь сурова, милый друг...» 19
«Велед создатель солнцу...» 20

В. В. Марков

«Сердце бьется непослушно...» 21
«Набожный любит подзвездную сень...» 22
«В ком разум есть, не бегаёт далёко...» 22
«Колкий терн — эмблема злая...» 22
«Мирза-Шафи, с огнем в очах...» 23
«Встарь кто-то вздумал объявить...» 24
«О мулла! Как прекрасно вино...» 25
«Когда я пел: с веселым будь шутив...» 25
«Будто солнцем горячим равнина небес...» 25
«Я как-то при дворе в чести великой был...» 26
«К возвышенной цели согласно идем мы...» 26
«Рука моя всегда готова...» 27

А. К. Шеллер-Михайлов

Слово 28

Ф. Калугин

«К дивану визирей...»	30
«Для того воспоминанья...»	30
«Зной пою и пью я, братья...»	31
«В тот час, когда перед дверями рая...»	31
«Небес могучий Эльборус...»	31
«Плакать мне или смеяться...»	32
«Глупцу вовек не поумнеть от чтенья...»	32
«В наш век реальный, век практичный...»	32

Н. И. Эйферт

«Не огорчай младую жизнь напрасно...»	34
Великому визирию	35
Исправление света	35
«Греха все люди носят бремя...»	36
«Если пахнут мечетью поэта стихи...»	36
Прощание с Тифлисом	37
«Коль песнь пою, — упоены...»	38
«Ужасней смерти есть беда...»	39
«Из ключа вина живого...»	40
«Блажен, кому судьбой в удел...»	41
«Лучше звездное сиянье...»	41
Песня о красоте	41

П. Ф. Якубович

«Есть претрудные дороги...»	43
«За стеной моей соседка...»	43
«За счастьем призрачную тенью...»	44
Перед разлукой	44
«Мы еще долго сидели...»	45
«Дождь хлещет, рокочут...»	47
«Вам не нравится, что вечно...»	47
К ребенку	48
«Поет и горюет в саду соловей...»	49
Манифест	50
Осенняя песня	50
Кипарис	51
Тимур	52
В море	53
«Когда порой...»	54
К звездам	55
«Чуть заблещет на горе весна...»	55

«Пей вино — и печали не ведай!...»	57
«Я стараюсь всеми силами...»	58
Рассказ о прекрасной султанше Фатьме	58

И. и А. Тхоржевские

«Если поэту объять необъятное...»	61
«Что мне плакать или смеяться...»	61
«Послушай, что о правде, брат...»	62

С. Я. Надсон

Зулейка	63
---------	----

К. О. Ган

Тифлис	64
--------	----

И. С. Продан

«Мирза-Шафи! Какими ты судьбами...»	65
«Противен мне набор...»	65
«Да, есть поэты...»	66
«Дух божий землю пронизает...»	67
«Вращаются миры...»	67
«Вот с Запада миссионеры...»	68
«Что стройность ели...»	69
«Всему есть время: миг лови...»	71
«Жизнь есть ссуда...»	71

Н. Г. Шебуев

«Хафиз — вот мой учитель...»	72
------------------------------	----

И. К. Ениколопов

Вопросы и ответы (Поэма)	74
--------------------------	----

Е. А. Долматовский

Сусани	76
--------	----

С. Заяцкий и А. Ефремов

«Хотел тебе венок сплести я...»	78
Примечания	79

Рөвишэн Фаиз оглу Мустафајев

МИРЭЭ ШӨФИНИН МАҢНЫЛАРЫ

(Јаддан чыхарылмыш вә аз танымыш
рус тәрчүмәләри)

Бақы 1988

Редактор *Владимир Портнов*
Художник *Ф. Эфендиев*
Художественный редактор *Р. Ахмедов*
Технический редактор *Н. Алиева*
Корректор *Т. Кязимова*

ИБ № 2366

Сдано в набор 16.11. 1987 г. Подписано к печати
4.02.1988 г. ФГ 04645. Формат бумаги 70×90^{1/32}.
Бумага № 2. Гарнитура литературная. Печать
высокая. Усл. печ. л. 3,51. Усл. кр.-отт. 3,6.
Уч.-изд. л. 2,75. Тираж 7 000. Заказ № 874.
Цена 35 коп.

Государственный комитет Азербайджанской ССР
по делам издательства, полиграфии
и книжной торговли.
Издательство «Язычы».

370005, Баку, площадь Натаван, 1.
Типография им. 26 бакинских комиссаров,
370005, Баку, ул. Али Байрамова, 3.

613360

35 коп.

